

МОИ ЧАСЫ В ЗДАНИИ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА

Российский журналист Анна Политковская рассказывает о том, как проходили ее переговоры с захватившими заложников экстремистами

Все главное лично для моей роли в этой драме началось 25-го днем – около двух. В 11.30 я впервые поговорила с теми, кто захватил заложников, по мобильному телефону — и они согласились встретиться. В 13.30 прибыла в штаб по проведению операции.

Еще около получаса ушло на согласования: кто-то неизвестный за хлопающими дверьми что-то решал...

Наконец подвели к черте у кордона из грузовиков. Сказали: «Иди попробуй. Может, удастся?». Со мной пошел доктор Рошаль. Протопали до дверей, не помню как: страшно. Очень.

И вот мы входим в здание. Мы кричим: «Эй! Кто-нибудь!»

В ответ – тишина. Такое ощущение, что во всем этом здании – ни души. Я кричу: «Я – Политковская! Я – Политковская!». И медленно поднимаюсь по правой лестнице – доктор говорит, что знает, куда идти. В фойе второго этажа опять тишина, темнота и холодно. Ни души. Кричу опять: «Я – Политковская!». Наконец от бывшей барной стойки отделяется человек. На лице – неплотная черная маска, черты лица вполне различимы.

Я прошу разрешения сесть на единственный стул посреди фойе, метрах в пяти от барной стойки, потому что ноги ватные. Разрешают сразу. Подошвы туфель скользят по какой-то раздавленной на полу красной гадости. Осторожно всматриваюсь в этот жуткий низ, потому что очень боюсь показаться слишком любопытной, но еще сильнее боюсь встать ногой в застывшую кровь. Но, слава богу, это какая-то бывшая сладость. Может, фруктовое мороженое. Дрожь чуть отступает, раз не кровь.

Ждем минут двадцать – это послали «за старшим». Пока он все никак не идет, сверху, с балкона, то и дело свешиваются головы в масках. Одни маски — полные, закрывающие лица так, что невозможно определить черты лица. Другие – легкие, как у первого, стоявшего за стойкой.

— Это ты была в Хотунях? – спрашивают головы.

— Я.

«Головы» довольны. И эти Хотуни (село в Веденском районе), получается, как мой пропуск сюда: была – значит, можно поговорить.

— А вы откуда? – задаю вопрос тому, кто за стойкой.

— Я – из Товзени, – отвечает. – Тут много из Товзени и вообще из Веденского района.

Следует непонятное месиво творящейся трагедии: одни «маски» приходят, другие уходят – уплывающее в никуда время сжимает сердце дурацкими предчувствиями... А «старшего» все нет. Может, нас сейчас просто расстреляют?

Наконец выходит человек в камуфляже и с полностью закрытым лицом, коренастый, нехудой и с точно такой же выправкой, как у наших офицеров-спецназовцев, обращающих серьезное внимание на физподготовку. Говорит: «За мной». Ноги совсем подкашиваются, но бреду. Оказывается, это и есть «старший».

Мы оказываемся в грязной бытовке при разгромленном буфете. Сзади – кран с водой. Кто-то ходит за спиной, я поворачиваюсь; понимаю, что это выглядит нервно, но... Куда деваться? Можно подумать, у меня есть опыт общения с террористами в экстремальных условиях... Возвращает к холодному рассудку сам «старший»:

— Не смотреть назад! Со мной разговариваете, на меня и смотрите.

— Кто вы? Как вас называть? – спрашиваю, не слишком надеясь на ответ.

— Бакар. Абубакар.

Маску он уже поднял на лоб. Лицо – открытое, скуластое, тоже очень милитаризованно-типичное. На коленях автомат. Лишь в самом конце разговора он положит его за спину и даже извинится: «Я так привык к нему, что уже не чувствую. И сплю с ним, и ем с ним, всегда с ним». Да и без этих объяснений уже все вижу: он из поколения тех чеченцев, которые воюют всю свою жизнь.

Есть такое поколение современных чеченцев: Бакар — из тех, кто десять последних лет не знал ничего, кроме автомата и леса, а до этого только и окончил, что школу, и так, постепенно, жизнь в лесу для них стала единственной, какая вообще возможна. Судьба без вариантов.

В моем списке — пять пунктов просьб: пища для заложников, предметы личной гигиены для женщин, вода, одеяла. Забегая вперед: удастся договориться только о воде и соках. В том смысле, что я буду их носить, кричать снизу, что принесла, и тогда меня будут пускать.

Начинаю спрашивать: чего они хотят? Но политически Бакар сильно «плавает». Он – «просто воин», и больше ничего. Он объясняет, зачем ему все это и почему, длинно и нечетко, и из этого можно выделить четыре пункта. Первый: Путин должен «сказать слово» — объявить об окончании войны. Второй: в течение суток продемонстрировать, что слова не пустые, – например, из одного района вывести войска.

Мой мозг трудится над непосильной проблемой, как максимально облегчить участь заложников, раз уж они согласились говорить со мной, но и достоинство не потерять, — и пробуксовывает, увы. Чаще я не знаю, что говорить дальше, и лепечу какие-то глупости, только бы Бакар не сказал: «Все!» — и я бы ушла ни с чем, не выторговав ничего...

Так подходим к третьему пункту «их» плана. Тут как раз Бакару на мобильный звонит Борис Немцов. Этот аппарат боевики изъяли у одного из заложников, музыканта «Норд-Оста», и теперь ведут по нему все свои разговоры. На этот же мобильный после Немцова Бакару позвонят «из дома» — из Веденского района Чечни.

Бакар, разговаривая с Немцовым, начинает сильно нервничать. Позже он станет мне говорить, что Немцов, мол, его водит за нос, вот сказал накануне, что война в Чечне может прекратиться, а зачистки сегодня, 25 октября, возобновились... И тогда я спрашиваю:

— А кому вы поверите? Слову кого с подтверждениями о выводе войск вы доверяете?

Оказывается, лорду Джадду.

И переходим к «их» третьему пункту. Он прост: если будут выполнены первые два, заложников они отпустят.

— А сами?

— Останемся воевать. Примем бой и умрем в бою.

— А вы, собственно, кто такие есть? – сказала и испугалась: «Господи, я что-то осмелела!»

— Разведывательно-диверсионный батальон.

— Весь тут?

— Нет. Только часть. У нас был отбор для этой операции. Взяли лучших. Так что умрем мы – все равно будет кому продолжить наше дело.

— Подчиняетесь Масхадову?

Вижу замешательство и снова – крайнее недовольство. Сбивчивые объяснения можно свести к формуле: «Да, Масхадов – наш президент, но мы воюем сами по себе».

Собственно, это подтверждение самых плохих опасений: отряд – из тех, кто сами по себе в Чечне. У них – своя автономная война, и она предельно радикальна. И плевать по большому счету они хотят на Масхадова — за то, что он не радикален.

Бакар добавляет от себя много сильных фраз: «Полтора года люди просились, чтобы стать камикадзе и сюда прийти», «Мы пришли умирать»...

Собственно, я и не сомневаюсь, что тут обреченные и готовые умереть, унося с собой столько жизней, сколько сами и захотят.

— Можно поговорить с заложниками?

— Нельзя. Нет. — Но через пять минут – «брату», сидящему у меня почти за спиной: — Приведи, ладно.

Тот выводит из зала перепуганную красивую девушку Машу. Она ничего не может сказать от ужаса и слабости – заложники ничего не ели.

Бакар раздражен ее лепетанием и велит ее увести: «Давай другую, постарше». Пока «брат» ходит в зал и обратно, Бакар объясняет, какие они тут благородные. Мол, вот сколько тут красивых девушек в их власти — а Маша действительно очень красивая, — но только желания у них нет, все силы отданы борьбе за освобождение своей земли. Я так понимаю его слова, что я еще и должна быть ему благодарна, что Машу они не изнасиловали.

Чуть-чуть говорим о морали и нравственности, если так можно выразиться.

— Не поверите, но морально мы чувствуем себя тут лучше, чем за все три года войны. Мы наконец делаем дело. Мы – в своей тарелке тут. Нам лучше, чем когда-либо. Нам будет хорошо умереть. То, что мы приняли участие в истории, – большая честь. Не верите? Вижу, что не верите.

А я очень даже верю. Уже год, как эти разговоры идут в военно-чеченской среде. На фоне бездействия виртуального Масхадова многие боевые отряды просидели всю зиму в лесу и дошли до ручки: и выйти нельзя, и воевать не получается, надо что-то предпринимать, а приказа от главнокомандующего нет... По мере роста этих настроений отряды или распались, или радикализировались, параллельно фактически начиная самостийную войну, где Масхадов — никакой не авторитет.

Мы договариваемся, что я сейчас займусь тем, что буду носить в здание воду. Бакар неожиданно добавляет от себя: «И соки можете принести».

— Для вас?

— Нет, мы умирать готовимся, мы ничего не пьем, не едим. Для них.

— А может, еды? Хотя бы детям.

— Нет. Наши голодают, вот пусть и ваши будут голодать.

Этот день в истории заканчивался. Дальше был штурм. А я теперь все думаю: все ли мы сделали, чтобы помочь избежать жертв? Большая ли это «победа» — 119 жертв (до больниц)? И была ли лично я кому-то нужна со своими соками и попытками на краю пропасти?

Мой ответ: нужна. Но сделали мы не все.

Потому что очень многое у нас впереди, несмотря на то, что слишком многое у нас позади. Трагедия «Норд-Оста», родившаяся не на пустом месте, — не конец.

Анна ПОЛИТКОВСКАЯ, обозреватель «Новой газеты»

Copyright: «Новая газета»

Location: Chechnya

Source URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/%D0%BC%D0%BE%D0%B8-%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%8B-%D0%B2-%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%82%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B0>